Вселенская Церковь в православной традиции

[spiderpowa-pdf src="https://mospat.ru/wp-content/uploads/2019/04/Kuzenkov_site.pdf"]**Скачать PDF**

Понимание «вселенскости» в православной традиции

Доклад кандидата исторических наук П.В. Кузенкова на прошедшей 25-26 февраля 2019 года в ПСТГУ Международной научно-практической конференции «Причины и вызовы текущего кризиса межправославных отношений».

События последнего времени вокруг Православной Церкви выдвинули на передний план не только внутрицерковной, но и широкой общественной дискуссии вопросы православной экклезиологии и канонического права.

Сейчас уже ни у кого не должен вызывать сомнений тот факт, что политика Константинопольского Патриархата по деформированию исторически сложившейся и закреплённой тысячелетней православной традицией системы церковного управления носит продуманный характер, и все действия в этом направлении — начиная с печально известного Критского Собора 2016 года и кончая беспрецедентным по своей канонической беспринципности вмешательством в дела Московского Патриархата на Украине — тщательно взвешены и спланированы заранее.

В этих условиях представляется особенно важным выявить генезис, развитие и внутреннее содержание важнейших для Православной традиции понятий и институтов, таких как «Поместная Церковь», «соборность», «кафоличность», «первенство» и т.п. Ниже будет предложено проследить историю становления и развития одного из ключевых терминов православной экклезиологической традиции, а именно — понятия «вселенский» (οἰκουμενικός).

1.ВСЕЛЕНСКИЙ = ОБЩЕИМПЕРСКИЙ

Греческое слово «ойкумена» (οἰκουμένη) буквально означает «населённая [земля]» (откуда славянская калька «вселенная»). Однако уже в Античности этим словом было принято называть область распространения греческой цивилизации — в противовес варварским областям; а в римское время данный термин стал пониматься в политическом контексте — как синоним Римской империи[1].

Для дальнейших рассуждений особенно важно, что именно в этом последнем значении слово «вселенная» употребляется в Новом Завете, а именно — у апостола Луки в Евангелии и Деяниях (Лк. 2:1[2] и Деян. 17:6[3]; 24:5[4]). Расширительным значением понимания «ойкумены» как империи стало применение данного термина апостолом Павлом для обозначения главного упования христианской веры — грядущего Царства Божия (Евр. 2:5[5]).

В святоотеческую эпоху употребление слова «ойкумена» оставалось двояким: оно могло обозначать как весь земной шар[6], так и Римскую империю[7]. Второй вариант характерен для официальных текстов, отражавших притязания императоров на универсалистский характер их власти.

2.ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР — СОБОР ЕПИСКОПОВ ИМПЕРИИ

В церковный узус термин «вселенский» приходит в первую очередь как название всеобщего Собора епископов, впервые созванного по инициативе императора Константина в 325 году в Никее. Показательно, что географический ареал участников Никейского Собора, открывшего череду подобных общецерковных съездов, был подчёркнуто общеимперским. Он созывался императорским указом как совещание епископов империи для рассмотрения внутригосударственных церковных проблем.

Прерогативы императорской власти в сфере сакрального могут быть выведены из языческой римской правовой традиции[8]: священные дела и духовенство относятся к сфере публичного права, как гласит сентенция из «Институций» Ульпиана, включённая Юстинианом в 1-ю книгу «Дигест». Поскольку по так называемому Lex Regia Веспасиана, включённому в те же «Дигесты», император получал от народа все права верховной гражданской власти, на его попечение возлагались и религиозные вопросы.

Разумеется, в христианскую эпоху права императора в этой области были ограничены — после весьма болезненной адаптации — публичной сферой и церковными канонами. Но идея о том, что Вселенские Соборы созывались гражданской властью с сугубо гражданскими целями (забота о единодушии народа, общественном спокойствии, благополучии государства, победах воинства и т.п.) красной нитью проходит через императорские постановления (сакры) о созыве епископов[9].

Лишь впоследствии, по мере рецепции соборных решений в других Церквах за пределами Римской империи, его статус — как и статус последующих Вселенских Соборов — мог

восприниматься как общехристианский. Процедура принятия решений Вселенских Соборов также весьма примечательна: так, никейские постановления были приняты в персидской Церкви Востока в 410 году на Соборе в Вех-Ардашире, созванном, что характерно, шаханшахом Йездигердом I. Таким образом, данный Собор выступает аналогом Вселенского Собора на территории Сасанидского Ирана, с тем характерным отличием, что созван он был не оглашенным христианином, а зороастрийцем.

Вселенский Собор никогда не созывался в качестве высшего органа церковного управления. Его задачи были всегда предельно конкретны: опровержение еретических лжеучений и формулировка догматов, с одной стороны, и решение злободневных канонических вопросов — с другой.

При этом важно отметить: хотя Правила Вселенских Соборов по праву представляются в качестве основы канонической традиции Православия, Вселенский Собор не является ни единственным, ни принципиально особым источником церковного права. В «Книгу правил» включены также авторитетные определения святых отцов, и решения поместных соборов, и толкования церковных учёных-канонистов. Таким образом, Вселенские Соборы лишь вписываются в общий широкий круг православной правовой традиции, но её отнюдь не исчерпывают.

Принципиально важны формулы, в которых Вселенские Соборы ссылаются друг на друга: в них говорится не о решениях Соборов как особых церковных институций, а о решениях участвовавших в них епископов. Такая, на первый взгляд, незначительная деталь показывает, что соборные решения воспринимались не в формально институциональном контексте, а как единогласные решения архиереев, объединённых единомыслием во Святом Духе.

Следует особо отметить, что не существует никаких догматических или канонических определений о статусе, характере и форме Вселенского Собора. Более того, в истории не раз имели место Соборы, созывавшиеся и работавшие под именем Вселенских, но впоследствии определённые церковной традицией в качестве лже-Соборов, чьи определения осуждались как еретические. В силу этого определение догматических решений Вселенских Соборов как непогрешимых оказывается в диалектической связи с самим определением Вселенского Собора как Собора, чьи догматические решения признаны православными. Во всяком случае, не сам Собор определяет свой Вселенский характер: это происходит в ходе последующей рецепции его решений полнотой Церкви.

Наряду с распространением термина «вселенский Собор» на Западе появляется понятие «вселенской Церкви» (лат. Ecclesia universalis). При этом папы, начиная с V века, усиленно подчёркивают вторичный характер любых Соборов, даже Вселенских, по отношению к кафедре

апостола Петра, «первенствующей» во вселенской Церкви[10].

3.ВСЕЛЕНСКИЕ ПРЕСТОЛЫ — ПЕНТАРХИЯ ПАТРИАРХАТОВ ИМПЕРИИ

Применительно к предстоятелям архиерейских престолов термин «вселенский» начинает употребляться спустя более столетия после первого Вселенского Собора. В 449 г., на 2-м Эфесском («Разбойничьем») Соборе, епископ Олимпий Эвазский из Эфесской митрополии обратился к патриарху Диоскору как к «вселенскому архиепископу великого города Александрии»[11]. Эфесская Церковь в это время пыталась — и не без успеха — с помощью Александрии отстоять свою независимость от Константинополя, поэтому обращение Олимпия можно считать нарочито пышным. Однако само употребление термина «вселенский» в данном контексте ясно показывает на то, что уже в это время его значение было понятным — и с очевидностью указывавшим на некий особый статус архиерея. Причём статус не исключительный. В жалобах на самого Диоскора, адресованных в Рим, александрийские клирики Феодор, Исхирион и Афанасий величают «святейшим и блаженнейшим вселенским архиепископом и патриархом великого Рима» папу Льва Великого[12]. Таким образом, в церковной политике V века титул «вселенского» — пока ещё неформально — указывал на особое значение архиерея, на его общецерковный авторитет. Очевидно, что такое понимание термина «οἰκουμενικός» было возможно только при соотнесении его с политическим словоупотреблением в смысле «общеимперский».

В VI веке эпитет «вселенский» появляется в титулатуре Константинопольских патриархов. Впервые он зафиксирован в указе Юстиниана от 530 г., адресованном «Епифанию, архиепископу счастливого Города и Вселенскому Патриарху»[13]. Данный законодательный памятник любопытен и тем, что кафедра Епифания именуется в нём «святейшей Великой Церковью счастливого сего города, нашей и всеобщей матерью, которая есть глава всех прочих»[14].

Однако эти пышные фразы не должны вводить в заблуждение. Во-первых, титул «вселенского» употребляется здесь совсем не как новшество, а, скорее, как дежурное церемониальное выражение. Во-вторых, главенство Константинополя никогда не мыслилось абсолютным. Сам Юстиниан зафиксировал это в законе 545 года (131-я новелла), где установлено, в точном соответствии с решениями II и IV Вселенских Соборов, что «святейший папа старшего Рима есть первый из всех иереев, а блаженнейший архиепископ Константинополя, Нового Рима, занимает вторую степень после святейшего апостольского престола старшего Рима, но почитается выше всех других»[15].

Но самым важным документом для концептуального понимания системы церковного устройства, разработанной в римском законодательстве при Юстиниане, является 109-я новелла от 541 года. В ней содержится следующий пассаж: «Еретиками же и те назвали, и мы называем тех, кто принадлежит к различным ересям… и вообще всех, кто не суть члены святой Божией кафолической и апостольской Церкви, в которой все святейшие патриархи всей вселенной — и западного Рима, и сего царственного града, и Александрии, и Теуполя, и Иерусалима, и все подчинённые им преосвященнейшие епископы — согласно возглашают апостольскую веру и предание»[16].

Фактически, именно здесь мы имеем выраженным expressis verbis принцип церковной «вселенскости», многократно выражавшийся в иных формах как до, так и после Юстиниана. Принцип этот органично объединяет концепты Вселенского Собора и пяти Вселенских Патриарших престолов: первый представляет собой экстраординарное собрание, а в обычное время его задачи — осуждение ересей и возглашение апостольской веры и предания — выполняются пятью старшими епископами «вселенной», то есть империи. Статус членов такой пентархии именно государственный, а не церковный, так как наряду с пятью патриархами существуют и другие автокефальные Церкви — например, Кипрская или учреждённая самим же Юстинианом кафедра Юстинианы Первой. Но и эти престолы, самостоятельные с точки зрения канонов, включены в число подчинённых пентархии в государственной оптике «вселенскости». Что же касается Церквей за пределами Империи — в Иране, Грузии, Армении, Эфиопии, — то их церковные организации никогда не рассматривались в качестве включённых в «ойкумену». Догматическое единство христиан определялось через концепт «кафоличности».

Отношения между Поместными Церквами носили характер различия по чести и равенства по власти. Лишь в силу исторических условий система пентархии в значительной степени деформировалась в сторону Константинопольской кафедры, каковая и пользуется по сей день титулом «Вселенской». Однако традиционное использование этого титула бывшей столицей бывшей Империи не должно затмевать тот факт, что изначально — да и не раз впоследствии — вселенскими признавались все пять патриархатов, к каковым в те времена и сводилась полнота Православия в Империи.

Так, известный писатель и церковный деятель начала IX в. св. Феофан Исповедник, близкий к константинопольской патриаршей канцелярии, в своей «Хронографии» называет все пять патриархатов «великими и вселенскими престолами» (μεγάλοι καὶ οἰκουμενικοὶ θρόνοι)[17].

Весьма важно, что такое понимание сохранялось и после падения Византии в русской традиции. В Уложенной грамоте Собора 1589 г. об учреждении в России патриаршества возведение в патриарший сан Иова Московского, совершенное патриархом Иеремией II, описывается как

избрание «твоимъ, пресвятѣишего Еремѣя Архіепископа Костянтинополя, Новаго Рима, і вселенского Патріярха, и прочихъ вселенскихъ Патріархъ, Александрѣиского, Антиохіиского, Іерусалимского і всего собора Греческого»[18].

В русских памятниках XVI–XVII веков не раз можно встретить выражение «Вселенский Собор» в отношении к архиерейским Соборам Российской Церкви[19].

4.ВСЕЛЕНСКИЕ ПРЕТЕНЗИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Следует подчеркнуть принципиальную невозможность на терминологическом уровне развести «общеимперский» и «всемирный» планы понятия «вселенский» — что прекрасно отражало двойственность и самого статуса Римского государства, регулярно заявлявшего себя как универсальная сверхдержава. Такая двойственность была, казалось бы, благодатной почвой для смещения значения титула «вселенский», который в официальных документах прилагался исключительно к архиепископу Константинополя — Нового Рима, в сторону притязаний на реально универсальный характер юрисдикции. Однако ничего подобного мы в источниках не наблюдаем.

Анастасий Библиотекарь, папский посланец в Константинополе на Соборе 869 года, писал: «Греки часто называли патриарха своего вселенским… Когда я, находясь в Константинополе, часто осуждал греков за это слово и упрекал их в тщеславии и гордости, то они возражали, что они не потому называют патриарха вселенским (oecumenicus, что многие перевели словом universalis), чтобы он был епископом над всем миром, но потому, что он имеет начальническую власть над одной частью мира, в которой обитают христиане. То, что греки называют «вселенною» (οἰκουμένη), у латинян означает не только «мир» (orbis), от употребления которого в смысле «вселенной» и происходит название «вселенский», но также и всякое жилище или обитаемое место»[20].

Таким образом, в IX веке в контактах с Римом сами византийцы трактовали титул «вселенский» как «поместный», что органично вытекает из традиционного понимания слова «οἰκουμενικός» как «общеимперский».

Такое понимание сохранялось веками.

В Окружном послании Константинопольской Церкви от 1895 г. буквально сказано: «Божественные отцы, почитая епископа Рима только как епископа царствующего града империи,

предоставили ему почетную привилегию председательства, смотрели на него просто как на первого между другими епископами, то есть первого между равными, каковую привилегию дали потом и епископу города Константинополя, когда этот город стал царствующим в Римской империи… Епископ Римский равночестен епископу Церкви Константинопольской и епископам прочих Церквей, и ни в каком правиле и ни у кого из отцов нет и намека на то, что епископ Рима есть единый начальник кафолической Церкви и непогрешимый судья епископов прочих независимых и автокефальных церквей»[21].

Ситуация радикальным образом меняется в XX столетии. В это переломное для судеб всего Восточного Христианства время Константинополь пытается переформатировать всю структуру мирового Православия и занять в нём место если не верховного главы, то, во всяком случае, уникального по своему статусу «попечителя» всех остальных Поместных Церквей.

Если в официальном календаре Константинопольской Церкви за 1906 год ещё говорится, что именование «Вселенского» изначально было и всегда оставалось «только почётным, не имея никакого отношения к объёму юрисдикции Вселенского патриарха»[22], то уже в 1908 году в томосе Иоакима III мы читаем следующее:

«Ни Церковь Греции, ни иная какая Церковь или престол не могли по канонам простирать свою власть за пределы своей области, за исключением нашего святейшего апостольского и патриаршего Вселенского Престола, справедливо уполномоченного осуществлять верховное духовное попечение над зарубежными Церквами как на основании предоставленной ему привилегии поставлять епископов в землях иноплеменников, а значит за пределами установленных церковных областей, так и на основании его преимуществ (πρεσβείων)»[23].

Совершенно ясно, что под «привилегией поставлять епископов в землях иноплеменников» имеются в виду 28-е правило Халкидонского Собора. Однако так понимать это правило позволяет лишь совершенно произвольное, а точнее — лживое его толкование. Ибо этот знаменитый и в своё время столь пререкаемый канон буквально гласит:

«…И чтобы только митрополиты Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также епископы вышеназванных диоцезов у иноплеменников (τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων) поставлялись бы вышеуказанным святейшим престолом святейшей Константинопольской Церкви»[24].

Итак, поставлять епископов иноплеменников патриарху Константинополя, действительно, позволено. Но только и именно в пределах трёх конкретных областей империи — диоцезов Понт, Асия и Фракия. И никак иначе! Это подтверждает и контекст правила (остальных епископов

патриарх не поставляет: они ставятся своими митрополитами), и вся последующая многовековая церковная практика.

В 1919–1921 гг. на фоне эйфории после крушения Османской империи и оккупации Константинополя войсками Антанты в Фанаре сформулировали идею «Лиги Церквей» (Κοινωνία τῶν Ἐκκλησιῶν). Один из её идеологов, Хрисостом (Пападопулос), писал:

«Прежнее турецкое тираническое владычество в Константинополе препятствовало всякой деятельности Вселенского Патриарха, но теперь, в свободном Константинополе, Патриарх во всяком случае воспользуется свободой действий не только в отношении своей Церкви, но и остальных православных Церквей и созидаемой ныне Лиги Церквей. Более того, Патриарх смог бы иметь при себе и представителей всех православных Церквей, приглашать их предстоятелей и других епископов в Константинополь для рассмотрения и разрешения общецерковных вопросов, касающихся всей православной Церкви»[25].

Планы превратить Константинополь в экуменический центр мирового христианства тогда не реализовались. Тогда в ход пошла «программа-минимум»: в условиях резкого ослабления Русской Церкви попытаться продвинуть Вселенского Патриарха на роль лидера мирового Православия.

В январе 1923 года на мирной конференции в Лозанне глава греческой делегации Э. Венизелос заявил, что «Вселенский патриархат является первенствующим (primate) для всех православных Церквей. В этом качестве он имеет дело со всеми руководителями автокефальных православных Церквей по всем вопросам, касающимся веры, христианской нравственности и церковного права. В этих вопросах взгляды и авторитет Вселенского патриархата имеют решающее значение… Архиепископ Константинополя — Нового Рима… был возведён в достоинство Вселенского патриарха решением всех христианских Церквей, включая и Римскую. Никто в мире не сможет развести эти два атрибута»[26].

Следует отметить, что такое, мягко говоря, расширенное толкование первенства чести Константинопольского престола имело в то время практические мотивы: оказать моральное давление на делегацию кемалистов, требовавшую депортации патриарха за пределы Турции. Видимо, по этой же причине глава Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) в письме президенту Лозаннской конференции неосторожно позволил себе назвать Константинопольского патриарха «верховным судией для православных христиан всех стран»[27].

Но Фанар попытался закрепить эту сиюминутную конъюнктуру, объявив о подготовке всеправославного Вселенского Собора. Этот Собор был намечен так называемым

«Всеправославным конгрессом» 1923 года из 9 человек во главе с Мелетием (Метаксакисом) и назначен на Пятидесятницу 1925 года в Иерусалиме актом патриарха Григория VII Зервудакиса от 27 мая 1924 года. Весьма характерно, что за 11 дней до этого, 6 мая, тот же Григорий VII вместе со своим Синодом призвал святителя Тихона оставить престол и упразднить «хотя бы временно» патриаршество в России, а вскоре фактически признал обновленческий Синод[28].

Уже в ноябре Григорий VII умер, а избранный на его место Константин VI был депортирован турками. В этой обстановке о Вселенском Соборе пришлось забыть. Следует признать, что даже в этой атмосфере интриг против Русской Церкви в Константинополе в те годы ещё сохраняли вполне здравые экклезиологические представления, отразившиеся в официальном заявлении от 20 июня 1924 года:

«Согласно священным Канонам Православной Восточной Церкви, всякая Православная Патриархия, как то: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Российская и Сербская, и всякая Автокефальная Православная Церковь… могут осуществлять свою духовную власть только внутри своих естественных границ и за их пределами не могут совершать никаких религиозных или духовных действий. Церковные постановления по этому вопросу однозначны и не допускают обсуждения»[29].

Здесь нет возможности перечислять все этапы трансформации константинопольской экклезиологии во второй половине XX и начале XXI века.

Укажем лишь два наиболее характерных эпизода.

24 сентября 2008 года, выступая на пленарной ассамблее Европарламента, патриарх Варфоломей заявил: «Будучи чисто духовным институтом, наш Вселенский Патриархат охватывает поистине глобальное апостольское служение, которое стремится возвысить и расширить сознание человеческой семьи, дабы понять, что мы все живём в одном доме. Таково в своём основном смысле значение слова «вселенский» — ибо «ойкумена» — это обитаемый мир, Земля, понимаемая как дом, в котором обитают все народы, племена, племена и языки». И далее: «Как вам хорошо известно, наш Патриархат — это не «национальная» Церковь, но, скорее, фундаментальное каноническое выражение вселенского измерения евангельского послания и аналогичной ему ответственности в церковной жизни. Такова более глубокая причина, по которой отцы Церкви и Соборы дали ей название «Вселенской». Любящее попечение Константинопольской Церкви превосходит любое лингвистическое, культурное, этническое и даже религиозное определение, поскольку Она стремится служить всем народам»[30].

В начале 2014 года в ответ на заявление Московского Патриархата по вопросу о первенстве в

Церкви появился полемический текст митрополита Прусы Элпидофора (Ламбриниадиса) под заголовком «Primus sine paribus». В нём профессор богословия Фессалоникского университета, проведя крайне сомнительную с догматической точки зрения интерпретацию церковного первенства через призму триадологии, сформулировал тезис: «Источником первенства во Вселенской Церкви является тот самый архиепископ Константинопольский, который как архиерей является первым «среди равных», но как архиепископ Константинопольский является первым иерархом без равных»[31].

Следует признать, что именно эти убеждения, далеко не вчера оформившиеся и заявленные во всеуслышание, и лежит в основе всех действий Константинополя в настоящем и ближайшем будущем.

ВЫВОДЫ

Как видим, ключевое значение в современной дискуссии имеет понятие Вселенской Церкви, под которой каждый современный православный человек понимает всю полноту мирового Православия.

Из приведённых выше источников, относящихся как к периоду первых веков христианства, так и к недавнему прошлому, с определённостью явствует, что православная церковно-каноническая традиция никогда не рассматривала эпитет «вселенский» в титуле Константинопольского или какого-либо иного архиерея как указание на его всемирную юрисдикцию.

Слово «вселенная», начиная с Нового Завета, обычно трактовалось как указание на Римскую империю. Соответственно, и эпитет «вселенский» понимался как «общеимперский». Именно такой смысл был изначально вложен в именования Вселенских Соборов и пяти вселенских патриарших престолов.

Важно ясно и чётко заявить: древний титул «вселенский патриарх», применяемый в наше время в отношении архиепископа Константинопольского, не имеет никакого отношения к современному понятию «вселенский» в значении «всемирный». Это не более чем напоминание о древнем статусе Нового Рима как столицы когда-то процветавшей политической «вселенной» — Восточной Римской, или Византийской империи. После её падения термином «вселенских» именовались Соборы нового оплота мирового Православия — государства Российского, что, однако, не вызывало никаких поползновений на всемирное господство со стороны Русской Церкви.

Что же касается универсализма Святой Апостольской Церкви Христовой, то он издревле выражался не через географическую по своей сути категорию «вселенскости», а через понятия единства, всеобщности и целостности, каковые объемлются греческим термином «καθολική».

---

[1] Например, в отношении игр: ἀγῶνας ἱεροὺς οἰκουμενικούς (надпись III в.) [IG3 #129]. Др. примеры см.: Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. 9 ed., with a revised supplement. Oxford: Clarendon, 1996. P. 1205.

[2] ἐξῆλθεν δόγμα παρὰ Καίσαρος Αὐγούστου ἀπογράφεσθαι πᾶσαν τὴν οἰκουμένην (слав. «всю вселенную», рус. «по всей земле»).

[3] οἱ τὴν οἰκουμένην ἀναστατώσαντες (слав. «развратиша вселенную», рус. «всесветные возмутители»).

[4] πᾶσιν τοῖς Ἰουδαίοις τοῖς κατὰ τὴν οἰκουμένην (слав. и рус. «по вселенной»).

[5] τὴν οἰκουμένην τὴν μέλλουσαν (слав. и рус. «вселенную»).

[6] См. примеры: σημεῖα οἰκουμενικὰ «всемирные знамения» (Прокопий Газский, V-VI в.) [Procopius Gazaeus. Commentarii in Isaiam // PG. T. 87/2. Col. 2301]; τρόπαια οἰκουμενικὰ «всемирный трофей» (Феофилакт Симокатта, VII в.) [Theophylactus Simocatta. Historiae, IV, 11.8].

[7] См.: Digesta VII.35; XVIII.48 (πᾶσα ἡ οἰκουμένη).

[8] На это указал нам М.В. Грацианский, за что мы выражаем ему признательность.

[9] Никея (325, Константин). «… Я, по воле Божией, созвал в Никею большинство епископов, … Ибо то, с чем согласились святые епископы, есть не иное что, как мысль единого Сына Божия, особенно когда и присутствовавший в умах столь великих и многих мужей Святой Дух высветил божественную волю». — Константинополь (381, Феодосий I). «Епископы, благодатью Божиею, собравшиеся в Константинополь из разных областей по призыву благочестивейшего императора…». — Эфес (431, Феодосий II). «Преимущественно пред прочим мы заботимся о том, чтобы состояние Церкви оставалось достойным Бога и приличным нашим временам. … Сознавая, что всё это поддерживается любовью к Богу и единодушным мышлением верующих,

мы давно уже признавали необходимым боголюбезное собрание святейших епископов изо всех мест. Однако же, чтобы не утруждать их, мы долго медлили. Но исследование нынешних необходимых церковных и сопряжённых с ними общественных вопросов показало неотвратимую нужду в таком собрании». — Халкидон (451, Маркиан). «Всем занятиям должны быть предпочитаемы божественные дела. … А так как возбуждены некоторые недоумения касательно нашей православной веры, … то нам благоугодно было, чтобы составился святой собор». — Константинополь (553, Юстиниан). «Искоренять возникавшие по временам ереси посредством собирания благоговейнейших епископов и единодушным провозглашением правой веры доставлять мир святой Церкви Божией — было всегдашнею заботою православных и благочестивых императоров». — Константинополь (680, Константин IV). «Поставляя на второй план все дела нашего христолюбивого государства, ради христианской нашей веры, … мы … просим и повелеваем вашему отеческому блаженству собрать в сем богоспасаемом нашем царствующем 3 граде всех святейших митрополитов и епископов, принадлежащих к вашему святейшему престолу». — Никея (787, Константин VI и Ирина). «Мы спешим жизнь всей Римской империи нашей направить к миру и единомыслию. В особенности же мы желаем позаботиться о благоустроении святых Церквей Божиих и этим достигнуть совершенного единения иереев восточных, северных, западных и южных».

[10] Показательна позиция папы Геласия: unius cujusque synodi constitutum, quod universalis Ecclesiae probavit assensus,
non aliquam magis exsequi sedem prae ceteris oportere, quam primam, quae et unamquamque synodum sua auctoritate confirmat «постановление всякого Собора, которое было одобрено с согласия Вселенской Церкви, надлежит более и прежде других исполнять никакому иному престолу, нежели первому, который утверждает своим авторитетом всякий Собор» [Gelasii ep. 26 // Thiel. P. 395].

[11] ДВС. Т. 3. С. 168.

[12] ДВС. Т. 3. С. 239, 241, 244, 246.

[13] Ἐπιφανίῳ ἀρχιεπισκόπῳ τῆς εὐδαίμονος πόλεως καὶ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ [C.J. I.2.24 // CIC. Bd. II. S. 17–18].

[14] …τῇ ἁγιοτάτῃ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ τῆς εὐδαίμονος ταύτης πόλεως, τῇ ἡμετέρᾳ καὶ πάντων μητρί, ἥτις κεφαλή ἐστι τῶν ἄλλων πασῶν … [Ibidem].

[15] …τὸν ἁγιώτατον τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης πάπαν πρῶτον εἶναι πάντων τῶν ἱερέων, τὸν δὲ μακαριώτατον ἀρχιεπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως τῆς νέας Ῥώμης δευτέραν τάξιν ἐπέχειν

μετὰ τὸν ἁγιώτατον ἀποστολικὸν θρόνον τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, τῶν δὲ ἄλλων πάντων προτιμάσθαι [CIC. Bd. III. S. 655].

[16] *Nov. Just. 109: αἱρετικοὺς δὲ καὶ ἐκεῖνοι εἰρήκασι καὶ ἡμεῖς λέγομεν τοὺς διαφόρων ὄντας αἱρέσεων, … καὶ πρός γε πάντας τοὺς μὴ ὄντας μέλος τῆς ἁγίας τοῦ θεοῦ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας, ἐν ᾗ πάντες ὁμοφώνως οἱ ἁγιώτατοι πάσης τῆς οἰκουμένης πατριάρχαι, ὅ τε τῆς ἑσπερίας Ῥώμης καὶ ταύτης τῆς βασιλίδος πόλεως καὶ Ἀλεξανδρείας καὶ Θεουπόλεως καὶ Ἱεροσολύμων, καὶ πάντες οἱ ὑπ᾽ αὐτοὺς τεταγμένοι ὁσιώτατοι ἐπίσκοποι τὴν ἀποστολικὴν κηρύττουσι πίστιν τε καὶ παράδοσιν [CIC. Bd. III. S. 518].*

[17] *Theophanes Confessor. Chronographia. P. 3.*

[18] *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 97.*

[19] *Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900. С. 1; Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством. Т. 4 (1598–1608). М., 1912. С. 17, 39, 117, 245, 276, 350, 755 («всего вселенского собору царствующаго града Москвы и всея великія Росіи», 1606 г.). — Ссылки любезно предоставлены о. Павлом Ермиловым.*

[20] *ДВС. Т. VII. С. 26.*

[21] ***https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/okruzhnoe-patriarshee-i-sinodalnoe-poslanie-konstantinopolskoj-tserkvi-po-povoduentsikliki-lva-13-o-soedinenii-tserkvej-ot-20-iyunja-1894-goda/***

[22] *Ἡμερολόγιον τοῦ ἔτους 1906. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1905. Σ. 326.*

[23] *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1908. Σ. 181.*

[24] *Σύνταγμα κανόνων. Τ. 2. Σ. 280–281.*

[25] *Χρυσόστομος Παπαδόπουλος. Ἡ Κοινωνία τῶν Ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὸς κῆρυξ. Ἀρ. 193. 1.3.1919. Σ. 133–136.*

[26] *The National Archives of the United Kingdom, Foregin Office, 839/35. Цит. по готовящейся к защите диссертации А.А. Чибисовой.*

[27] *Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2. Цит. по: Мазырин А., свящ., Кострюков А. А. Из*

истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 69.

[28] *См.: Мазырин А., свящ., Кострюков А. А. Цит. соч. С. 65–69.*

[29] *Τὸ Φῶς. 1924. 20 ἰουν. Σ. 1. Цит. по: Там же. С. 71–72.*

[30] *https://www.archons.org/ru/-/ecumenical-patriarch-bartholomew-addresses-european-parliament.*

[31] *https://www.patriarchate.org/-/primus-sine-paribus-hapantesis-eis-to-peri-proteiou-keimenon-tou-patriarcheiou-moschastou-sebasmiotatou-metropolitou-prouses-k-elpidophorou.*

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46467/